

Продавец воздуха

Анатолий Шигапов

Анатолий Шигапов
Продавец воздуха
Серия «Вне серии», книга 14

<https://litres.ru/73574081>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга о человеке, который в разорённой стране 1990-х построил летающий дрон. Его звали Сергей Орлов. Он верил, что воздух станет новой дорогой, и продавал не акции — он продавал будущее. В него вкладывали последние пенсионеры и предприниматели. Его прототип отрывался от земли. А потом пришёл дефолт, бандиты, суд. Его оправдали, но забрали чертежи и уничтожили машину. Он исчез.

Спустя тридцать лет журналистка находит его дело в архиве и отправляется на поиски. Она разговаривает с теми, кто верил в него, читает дневники, смотрит старые видеозаписи. И постепенно понимает: перед ней не мошенник, а человек, который родился слишком рано.

Это история не о триумфе. Это история о вере, которая не сломалась, когда всё рухнуло. О том, как идея может пережить своего создателя. И о том, что иногда победа - это просто дожить до дня, когда мир докажет: ты был прав.я.

Анатолий Шигапов

Продавец воздуха

Тем, кто смотрит в небо, когда все смотрят под ноги. Тем, кого называли безумцами, пока время не доказало их правоту. Тем, кто падает, но продолжает верить. Всем, кто продавал воздух, когда покупали только землю.

Дорогой читатель,

Я не журналист. Я не брал интервью и не рылся в архивах в поисках сенсации. Я просто услышал историю, которая не давала мне покоя, и понял: её нужно рассказать.

Эта книга родилась из вопроса, который мучает меня иногда: почему те, кто видит будущее, так часто остаются непонятыми? Почему мы называем их безумцами, когда они строят летающие машины, а потом, спустя десятилетия, смотрим на небо и удивляемся: «А ведь он был прав»?

Икар упал, потому что подлетел слишком близко к солнцу. Леонардо чертил орнитоптеры, которые так и не взлетели при его жизни. Их называли фантазёрами, чудаками, людьми, потерявшими связь с реальностью. А потом приходили другие, с деньгами, с заводами, с государственной поддержкой, и строили то, что было нарисовано на пожелтевшей бумаге.

Сергей Орлов – из их числа.

Я не знал его лично. Мне рассказали о нём случайно, в разговоре, когда кто-то обмолвился: «А вы слышали о том парне, который в девяностых строил летающие дроны? Его чуть не посадили за мошенничество». С тех пор я не мог выкинуть эту историю из головы.

Я нашёл его чертежи, его дневники, его прототип, который когда-то оторвался от земли на три секунды. Я говорил с людьми, которые верили ему, – с инженерами, потерявшими работу после развала страны, с пенсионерками, отдававшими последние сбережения, с теми, кто потом защищал его в суде. Я слушал их и понимал: это не просто история одного изобретателя. Это история о вере. О времени. О цене, которую платят те, кто рождается слишком рано.

Сергей не был святым. Он ошибался, он рисковал, он брал чужие деньги и не смог их вернуть. Но он делал это не ради наживы. Он делал это, потому что видел будущее. Потому что не мог не строить. Потому что, если бы не он, кто бы начал?

Его оправдали, но прототип конфисковали и утилизировали. Его забыли. А потом пришли китайцы и американцы, вложили миллиарды и подняли в воздух то, что он придумал в 1993 году на обороте курьерского маршрута.

Я написал эту книгу не для того, чтобы судить или оправдывать. Я написал её, чтобы мы помнили: каждое будущее, которое мы принимаем как должное, когда-то было чьей-то безумной мечтой. И те, кто мечтал первым, почти всегда

остаются в тени.

Сергей сегодня живёт в деревне, чинит дроны для фермеров и говорит: «Я продавал не воздух. Я продавал свободу от земли». Он не стал миллиардером, его имя не выбито на мемориальной доске. Но он дождался своего часа. Он увидел, как его идеи стали реальностью. И он знает: он был прав.

Я посвящаю эту книгу всем, кто смотрит в небо и видит то, чего пока нет. Всем, кого называют безумцами, пока время не докажет их правоту. Всем, кто падает, но продолжает верить.

Икар упал. Но его полёт остался в мифах. Сергей тоже упал. Но его дрон летает.

С уважением,

Анатолий Шигапов

Глава 1. Человек, который увидел будущее

Москва, 1993 год

Электричка «Н-ск – Москва» отходила в шесть утра, когда на перроне ещё горели оранжевые лампы и редкие фигуры в телогрейках казались призраками. Сергей сидел у окна, прижимая рюкзак к груди, и смотрел, как запотевшее стекло медленно проясняется. За ним проплывали платформы с облупившейся краской, брошенные составы, чьи вагоны уже успели ободрать на металл, и бесконечные поля, покрытые прошлогодней травой. Март выдался ранним, но земля ещё не оттаяла; из-под снега кое-где торчали бурые стебли.

В рюкзаке лежали две смены белья, туалетные принадлеж-

ности, папка с дипломом и тремя рекомендательными письмами с закрытого завода, где он проработал два года после института. Завод назывался «Н-ский завод точной механики», но на самом деле там делали системы наведения для зенитных ракет. Теперь завод стоял. Директор раздал всем по рекомендации и сказал: «Ищите себя, ребята. Страна теперь другая». Эти слова Сергей помнил дословно – они прозвучали в актовом зале, где ещё висел портрет Ленина, который так и не сняли.

Сергею было двадцать три. Он родился в Н-ске, закончил местный политех по специальности «радиотехника и электроника», потом попал на завод по распределению. Распределение в девяносто третьем уже было формальностью, но он хотел остаться в городе – из-за матери, которая после смерти отца осталась одна в двухкомнатной хрущёвке. Мать работала бухгалтером в ЖЭУ, получала мизерную зарплату, и Сергей думал, что сможет её поддержать.

Он не смог. Завод не платил зарплату четыре месяца. Сначала задерживали на неделю, потом на месяц, потом перестали даже обещать. Сергей ходил на работу из привычки, сидел в пустом цеху, где вместо станков зияли чёрные прямоугольники – оборудование кто-то успел вывезти по накладным, подписанным новым «временным управляющим». Потом и он исчез. На проходной повесили объявление: «Завод закрыт на неопределённый срок. Трудовые книжки выдаются в отделе кадров по вторникам и четвергам».

Мать сказала: «Поезжай. Здесь тебе делать нечего». Она не плакала, только сжимала губы и поправляла платок. В её голосе была та же сухая решимость, с которой она когда-то выхаживала отца после инфаркта. Сергей собрал рюкзак, взял двести долларов – всё, что удалось скопить за два года, продав часть отцовской библиотеки и старый сервиз, который никто не хотел брать. Сервиз продали соседке за пятьдесят долларов – та сказала: «Всё равно сервизы теперь никому не нужны, беру для души». Двести долларов в девяносто третьем – это был целый капитал. На них можно было прожить в Москве месяца два, если сильно экономить.

В электричке было холодно. Сергей поёжился, достал из кармана куртки мятый листок – адрес знакомого студента МАИ, с которым они вместе участвовали в олимпиаде по физике ещё в школе. Тот учился на аэрокосмическом, жил в общежитии. Сергей договорился остановиться у него на первое время. Листок был исписан с обеих сторон: сначала адрес, потом черновик какого-то письма, потом снова адрес.

Поезд подходил к Курскому вокзалу. За окнами потянулись серые пятиэтажки, гаражи-ракушки, рекламные щиты, которых в Н-ске ещё не видели: «МММ», «Телемаркет», «Русское бистро». Крупные буквы, яркие цвета, обещания. «МММ» обещала 200 % годовых, «Телемаркет» – компьютеры в рассрочку, «Русское бистро» – «настоящую русскую кухню». Сергей смотрел на эти щиты и чувствовал, как где-то в груди разрастается странное чувство – смесь

страха и предвкушения. В Н-ске было тихо и безнадежно, здесь – шумно и безумно. Он не знал, что будет делать в Москве. Но знал, что возвращаться некуда.

Общежитие МАИ на Водном стадионе оказалось огромным серым зданием, которое напоминало скорее заводской корпус, чем жилой дом. Фасад был украшен барельефами с самолётами и пропеллерами, но штукатурка осыпалась, и у одного самолёта не хватало крыла. Внутри пахло капустой, табаком и ещё чем-то кислым. Стены коридоров были выкрашены масляной краской цвета хаки, на полу – потрескавшийся линолеум. Студент, к которому Сергей ехал, звали Димой. Они не виделись пять лет, но Дима встретил его на проходной, будто расстались вчера.

– Проходи, – сказал Дима, ведя его по длинному коридору с облупившейся краской. – Комната на четверых, но двое почти не живут – подрабатывают где-то. Так что твоё место есть.

Комната была заставлена кроватями, столами и стульями. На подоконнике стояли банки с засохшими кактусами. На стенах – плакаты с самолётами (Су-27, МиГ-29) и одна схема какого-то летательного аппарата, нарисованная от руки. Схема была выполнена тушью на ватмане, с аккуратными выносками и формулами.

– Это ты? – спросил Сергей, показывая на схему.

– Ага, – Дима махнул рукой. – Курсовой проект. Беспилотный летательный аппарат вертикального взлёта. Только у

нас на кафедре этим никто серьёзно не занимается. Говорят, фантастика.

– А что, уже делают такие?

– В Штатах – да. У нас пока нет. – Дима полез в тумбочку и достал стопку журналов. – Вот, смотри. «Popular Mechanics», «Aviation Week». Мне один знакомый из загранкомандировки привёз. Там, – он понизил голос, – NASA уже выдаёт гранты на концепцию персональных летательных аппаратов.

Сергей взял журналы. На обложке одного из них была фотография странного аппарата – что-то среднее между вертолётom и самолётom, с винтами на крыльях и кабиной, похожей на пузырь. Второй журнал пестрел схемами и рекламой авионики. Сергей никогда не держал в руках таких глянцевых страниц – в Н-ске выписывали только «Науку и жизнь» да «За рулём».

– Это концепт, – пояснил Дима, показывая на обложку. – Они называют это «personal air vehicle». Пока только в компьютерных моделях, но уже летают прототипы-демонстраторы. Представляешь: сел, нажал кнопку – и полетел над пробками.

– А что за двигатели?

– Электрические. На аккумуляторах. Проблема в том, что батареи пока тяжёлые и дорогие. Но они думают, что через десять лет всё изменится. – Дима усмехнулся. – В общем, футурология. Но чертежи красивые.

Сергей листал журналы, не отрываясь. Статьи были на ан-

глийском, которого он не знал в совершенстве (в политехе преподавали технический перевод, но этого хватало только для чтения инструкций), но схемы и фотографии говорили сами за себя. Кто-то уже строил то, что ему казалось невозможным. Кто-то уже думал о том, как поднять человека в воздух не с помощью огромного самолёта, а с помощью маленького, умного, почти игрушечного аппарата, который мог бы взлетать с крыши гаража и садиться на заднем дворе.

– Можно почитать? – спросил Сергей, уже понимая, что эти журналы изменяют его жизнь.

– Бери, – Дима зевнул. – Только осторожно, они дорогие. Я их как зеницу ока.

Этой ночью Сергей не спал.

Он сидел за столом, пока соседи храпели, и перелистывал журналы снова и снова. Схемы летательных аппаратов, чертежи систем управления, статьи про литий-полимерные аккумуляторы, которые только начинали появляться в лабораториях, и про микроконтроллеры, которые уже тогда умели делать то, что раньше требовало целого шкафа с реле. На одной из страниц он нашёл сравнительную таблицу энергоёмкости батарей – цифры прыгали, но тренд был ясен: каждые пять-семь лет плотность энергии удваивалась.

Сергей вспомнил свой диплом. Он проектировал систему управления для ракеты – ту самую, которую потом так и не запустили в серию. Принципы были те же: стабилизация, управление вектором тяги, обработка данных с датчи-

ков. Разница была в масштабе. Ракета – это смерть, доставленная в заданную точку. А этот аппарат – свобода.

Он взял лист бумаги – обёртку от хлеба, которую нашёл в тумбочке – и начал рисовать.

Сначала набросал общую форму: капсула на восемь роторов, расположенных по кругу. Восемь – потому что отказ одного не приведёт к катастрофе, остальные семь смогут компенсировать. Потом стал прорабатывать детали. Распределение массы, центр тяжести, запас тяги. Он считал в уме, приблизительно, потому что не знал точных характеристик двигателей, которые были доступны. Но он чувствовал цифры. Инженерное чутьё, которое развилось за два года на заводе, подсказывало: это возможно.

Он рисовал до утра. Когда за окном начало светать, на столе лежало уже двенадцать листов – схемы, расчёты, прикидки компоновки, наброски силовой фермы. На одном из листов он вывел список проблем, которые предстояло решить: двигатели (где взять? на какие деньги?), аккумуляторы (дорого, тяжело), система управления (нужен программист), нормативная база (в России её нет), деньги (главная проблема). Рядом приписал: «Всё решаемо. Главное – начать».

Сергей откинулся на стуле и посмотрел на свою работу. В голове гудело, глаза слипались, но он чувствовал небывалую ясность. Словно кто-то убрал пелену, и он наконец увидел то, что было скрыто от других. В этом было что-то мистическое: будто сама идея выбрала его.

Он понял это в ту минуту, когда первые лучи солнца упали на его чертежи. Будущее – не за наземным транспортом. Города задыхаются в пробках, люди тратят часы жизни на то, чтобы переехать из спального района в центр. Дороги – это прошлый век. Будущее – в воздухе. Вертикальный взлёт, горизонтальный полёт, посадка там, где нужно. Беспилотное управление, которое сделает полёт доступным каждому, у кого есть права и немного денег.

Он назвал это IPV – Intelligent Passenger Vehicle. Интеллектуальное пассажирское транспортное средство. Слово «дрон» тогда ещё не было на слуху, но суть была именно в нём.

Сергей взял чистый лист и крупно написал вверху: «IPV-1. Персональный летательный аппарат вертикального взлёта и посадки. Концепция».

А ниже, уже другим почерком, почти каллиграфически вывел фразу, которая пришла ему в голову сама собой:

«Воздух – единственная неосвоенная дорога. Я сделаю её платной и доступной».

Он посмотрел на эту фразу, и где-то глубоко внутри понял, что только что пересек невидимую черту. Отныне он не просто инженер, ищущий работу. Он человек, который увидел будущее. И он сделает всё, чтобы это будущее наступило. Даже если для этого придётся продать душу.

Утром Дима увидел разложенные на столе листы, прищелкнул и сел рядом.

– Это ты нарисовал?

– Да.

– За ночь?

– За ночь.

Дима долго рассматривал схемы, хмурясь и шевеля губами. Потом поднял глаза.

– Слушай, это же гениально. Я, конечно, в электронике не силён, но компоновка... Это работает. Теоретически. А где ты взял параметры двигателей?

– Прикинул. На заводах, которые сейчас закрываются, полно электромоторов. Можно купить на металлолом, перебрать, перемотать. Не идеально, но для прототипа сойдёт.

– Ты серьёзно? – Дима отложил листы. – Ты хочешь это построить?

– Хочу.

– На что?

Сергей замолчал. Это был главный вопрос. На что? У него двести долларов, диплом и двенадцать листов с чертежами. Этого недостаточно даже для того, чтобы купить один двигатель.

– Пока не знаю, – признался он. – Но я буду искать.

Дима потер подбородок.

– Знаешь, у нас на факультете есть парни, которые работают в одной конторе. Неофициально. Они собирают деньги с населения, обещают высокие проценты. Пирамида, в общем. Но они реально платят. Пока платят. Я не советую, но

если тебе нужны деньги...

– Нет, – отрезал Сергей. – Я не хочу быть фальшивомонетчиком.

– А кто хочет? – Дима вздохнул. – Но деньги нужны всем. Особенно таким, как мы.

Сергей вышел в коридор. Там пахло табаком и жареной картошкой. Из-за дверей доносилась музыка – кто-то слушал «Nautilus Pompilius». Он подошёл к окну, посмотрел на серое московское небо. Где-то там, за этим небом, в Америке, инженеры уже строили летающие машины. У них были лаборатории, гранты, университеты. А у него – двенадцать листов, двести долларов и вера.

– Вера – это тоже капитал, – сказал он себе. – Главное – уметь её продать.

Он вернулся в комнату, взял чертежи и аккуратно сложил их в папку. Дима смотрел на него с любопытством.

– Ты правда веришь, что это взлетит?

– Не просто верю. Я знаю. Это вопрос времени. Батареи станут мощнее, контроллеры – умнее, авиационные власти – лояльнее. Вопрос не в том, взлетит ли это, а в том, кто успеет первым.

– И ты хочешь успеть?

– Я уже успел. – Сергей положил папку в рюкзак. – Я первый, кто это нарисовал в этой стране. Остальное – дело техники и денег.

Через неделю Сергей нашёл работу. Он обошел десяток контор, которые тогда назывались «коммерческими структурами», и везде получал один и тот же ответ: «Инженеры нам не нужны. Нужны менеджеры, продавцы, охранники». В одной из контор ему предложили торговать жвачкой и сигаретами на рынке, в другой – сторожить склад, в третьей – развозить рекламные листовки.

В итоге он устроился курьером в небольшую финансовую компанию под названием «Инвест-Про». Офис находился в обычной квартире на первом этаже жилого дома на Профсоюзной. Внутри стояли три стола, компьютер с большим монитором, табличка на двери: «Мы поможем приумножить ваш капитал», и портрет неизвестного Сергею банкира в рамке.

Хозяином был мужчина лет сорока по имени Эдуард, в кожаном пиджаке и с золотой цепочкой на шее. Цепочка была толщиной с палец, на ней болтался крестик. Эдуард не скрывал, что его бизнес – это «привлечение средств населения под высокие проценты». Он платил вкладчикам 30 % годовых, а сам зарабатывал на разнице, вкладывая деньги в краткосрочные спекуляции, которые тогда назывались «челночный бизнес» и «конвертация валюты». В сейфе у него лежали доллары, марки, даже какие-то турецкие лиры.

Сергей развозил по городу рекламные листовки, получал пять долларов в день и иногда помогал Эдуарду с компьютером – настраивал программы, чинил принтер. Принтер был

матричный, стрекотал как пулемёт, и Эдуард очень им дорожил. Сергей видел, как работает механизм: люди приносят деньги, получают красивые сертификаты, а через месяц приходят за процентами. Эдуард платил исправно, и слухи о его надёжности расползались по округе.

– Главное, – говорил Эдуард, попивая кофе из пластикового стаканчика, – чтобы люди верили. Если они верят, они несут. А если несут, у тебя есть деньги. А если у тебя есть деньги, ты можешь делать с ними что хочешь. Хоть в космос лети.

– А если они перестанут верить? – спросил Сергей.

– Тогда ты должен успеть уйти. – Эдуард усмехнулся, обнажив золотой зуб. – Но мы не собираемся уходить, правда? Мы честные ребята. Я плачу проценты, люди довольны. Кто им ещё заплатит? Госбанк? Сберкасса? Там сейчас такие проценты, что только смеяться.

Сергей смотрел на него и думал о своём. Он видел, что система Эдуарда – это мыльный пузырь, который лопнет в первый же серьёзный кризис. Но он видел и другое: люди несли деньги не потому, что они глупые. Они несли, потому что хотели верить. Им нужна была надежда, обещание, что завтра будет лучше, чем сегодня. Эдуард давал им это обещание в обмен на их последние сбережения. Это было цинично, но это работало.

А что, если продавать не обещание денег, а обещание будущего? Не 30 % годовых, а возможность прикоснуться к

чуду? Не дивиденды, а участие в технологическом прорыве?

Эта мысль пришла к нему в один из вечеров, когда он возвращался с маршрута, замерзший и голодный, с пустой папкой из-под листовок. Он зашёл в метро, встал в вагон, и пока поезд ехал от «Университета» до «Водного стадиона», он прокручивал в голове одну и ту же схему. Люди верят в деньги, которые печатает государство, хотя за ними нет ничего, кроме обещания. Люди верят в акции компаний, которые завтра могут обанкротиться. Люди верят в пирамиды, которые держатся только на доверии. А что, если дать им веру в настоящую технологию? В то, что изменит их жизнь? В летающий аппарат, который поднимет их над пробками, над суетой, над этой грязной землёй, где они вынуждены выживать?

Если люди могут поверить в Эдуарда с его золотой цепочкой, почему они не могут поверить в IPV-дрон?

В конце апреля Сергей уволился из «Инвест-Про».

– С ума сошёл? – спросил Эдуард, когда Сергей положил на стол свою курьерскую сумку. – У тебя же ничего нет. Ни жилья, ни работы. Оставайся, я тебя сделаю менеджером, будешь проценты считать.

– У меня есть идея, – сказал Сергей.

– Идея? – Эдуард усмехнулся, откинулся в кожаном кресле. – Идеи жрут деньги, парень. А у тебя их нет. Сколько у тебя осталось? Сотня? Полторы?

– Сто тридцать.

– На сто тридцать долларов идею не купишь. Оставайся, говорю. Через год будешь на «Мерседесе» ездить.

– Мне не нужен «Мерседес». Мне нужно будущее.

Эдуард посмотрел на него долгим взглядом, потом вздохнул.

– Ладно, фантазёр. Иди. Но запомни: если накосячишь – возвращайся. У меня для тебя всегда найдётся место.

Сергей вышел на улицу. Был конец апреля, на деревьях распускались листья, в воздухе пахло весной и бензином. Он достал из кармана сложенный вчетверо листок – тот самый, с которого всё началось, с двенадцатью схемами и фразой внизу. На обороте он уже написал заявление на регистрацию ООО. «Воздушный фонд». Это название пришло ему в голову ещё в электричке, когда он ехал в Москву, хотя тогда он не знал, для чего оно.

Теперь знал.

Он направился в сторону метро, но на полпути остановился. Достал блокнот, присел на скамейку. Нужно было записать, что он скажет людям, когда начнёт привлекать деньги. Он писал быстро, почти не задумываясь:

«Мы живём в эпоху, когда наземная инфраструктура городов достигла предела своих возможностей. Дороги перегружены, строительство новых развязок требует колоссальных затрат, а время, которое люди тратят на перемещение, неумолимо сокращает их жизнь. Единственное свободное пространство – это воздух. Он принадлежит всем и никому.

Он не требует асфальта, мостов и тоннелей. Но для того чтобы использовать его, нужны новые технологии – компактные, умные, безопасные летательные аппараты вертикального взлёта и посадки. Мы называем их IPV-дроны – Intelligent Passenger Vehicles».

«Воздушный фонд создан для того, чтобы разработать, построить и запустить в серийное производство первый в России персональный летательный аппарат. Мы не продаём акции. Мы предлагаем вам стать пайщиками фонда – совладельцами будущего. Каждый вложенный рубль идёт на создание прототипа, закупку комплектующих и оплату труда инженеров. В случае успеха проекта прибыль будет распределена пропорционально вкладу».

«Мы не обещаем вам 200 % годовых. Мы обещаем вам участие в технологическом прорыве, который изменит мир. Если вы хотите быстро заработать – это не к нам. Если вы хотите быть частью истории – добро пожаловать».

Он перечитал написанное. Слог был пафосным, но искренним. Он не обещал лёгких денег, он обещал чудо. И это было честно.

Регистрация заняла две недели и стоила семьдесят долларов – почти половину его сбережений. Сергей зарегистрировал ООО «Воздушный фонд» с уставным капиталом в десять тысяч рублей – минимально возможным. В графе «вид деятельности» он написал: «Научные исследования и разработки в области авиастроения, консультационные услуги, при-

влечение инвестиций».

Юрист, который помогал ему с документами, посмотрел на эту формулировку и покачал головой.

– Слушай, парень, ты бы написал что-нибудь попроще. «Торгово-закупочная деятельность», например. Или «ремонт бытовой техники». А то «научные исследования» – это сразу внимание налоговой.

– Нет, – сказал Сергей. – Я хочу строить летающие машины.

– Летающие машины? – Юрист, пожилой мужчина в потрёпанном костюме, усмехнулся. – В нашей стране сейчас даже колесные машины не ездят. Ну, твоё дело. Только потом не жалуйся.

Сергей заплатил, забрал документы и вышел на улицу. В кармане осталось шестьдесят долларов – ровно столько, что-бы прожить месяц, если питаться хлебом и кефиром.

Он вернулся в общежитие, сел за стол и переписал «Инвестиционную программу» набело. Он писал три дня, переделывая текст снова и снова, пока тот не стал звучать не как бред сумасшедшего, а как манифест человека, который видит то, чего не видят другие.

В те дни он почти не выходил из комнаты. Дима приносил ему хлеб и тушёнку, спрашивал, как дела. Сергей отвечал односложно, не отрываясь от бумаг. Он чувствовал, что находится на грани – либо он убедит других, либо его идея умрёт, так и не родившись.

На четвёртый день он закончил. Получилось двадцать страниц – с чертежами, расчётами, фотографией макета (которого ещё не существовало, но Сергей нарисовал его так, будто он уже стоит в ангаре). В конце он приписал фразу, которая стала девизом:

«Воздух – единственная неосвоенная дорога. Я сделаю её платной и доступной».

Он сложил листы в папку, надел куртку и вышел. На улице цвела сирень. Москва шумела, спешила, жила своей безумной жизнью. Сергей смотрел на этот город и чувствовал, что он – часть этого безумия. Или это безумие – часть его.

Первого вкладчика Сергей нашёл через знакомого Димы – человека по имени Игорь, который торговал на рынке видеокассетами. Игорь был плотным, невысоким, с быстрыми глазами и привычкой постоянно жевать жвачку. Он согласился встретиться в кафе на ВДНХ.

– Значит, летающие машины, – сказал Игорь, разглядывая чертежи. – И сколько тебе нужно?

– На первый этап – пять тысяч долларов. На закупку двигателей и аренду помещения.

– Пять штук? – Игорь присвистнул. – Ты охренел, парень. У меня таких денег нет.

– Есть, – спокойно сказал Сергей. – Я знаю, что вы вложили в «Русский дом Селенга» двадцать тысяч. И потеряли.

Игорь помрачнел.

– Это другое. Меня кинули.

– А я не кину. Я даю вам чертежи, я показываю прототип. Вы не покупаете акции, вы становитесь совладельцем. Если проект выстрелит – ваши пять тысяч превратятся в пятьдесят.

– А если нет?

– Если нет – вы потеряете пять тысяч. Но вы уже потеряли двадцать. Риск тот же, только здесь вы участвуете в настоящем деле, а не в финансовой пирамиде.

Игорь долго молчал, жевал жвачку, разглядывал чертежи. Потом достал из кармана куртки пачку долларов.

– Три тысячи. Это всё, что я могу. Но я хочу посмотреть, как эта штука летает. Если не полетит – я приду к тебе с людьми.

– Полетит, – сказал Сергей, забирая деньги. – Спасибо.

Руки дрожали, когда он пересчитывал купюры. Три тысячи долларов – это был его первый капитал. Маленький, но настоящий. Он спрятал деньги во внутренний карман и вышел из кафе. На улице кружилась тополиная метель. Сергей поднял голову, посмотрел на белые пушинки, летящие в небо, и улыбнулся.

Он был первым. Первым, кто поверил. И теперь эта вера начинала передаваться другим.

Глава 2. Архивное дело № 047-К

Москва, 2026 год

Алиса вошла в здание Государственного архива Россий-

ской Федерации на Большой Пироговской в тот самый момент, когда осеннее солнце пробилось сквозь тучи и залило жёлтым светом старую московскую улицу. Было начало октября, воздух пах мокрыми листьями и бензином, с карнизов срывались капли недавнего дождя. Она поправила сумку через плечо, придержала дверь для пожилого мужчины с портфелем и направилась к стойке регистрации. Внутри пахло бумагой, пылью и чем-то ещё неуловимым, что бывает только в старых зданиях, где документы хранятся десятилетиями. Алиса предъявила паспорт и журналистское удостоверение, получила пропуск и поднялась на третий этаж, где располагался читальный зал № 2 – фонды судебных и следственных дел, закрытых до недавнего времени.

Ей было тридцать пять, последние семь лет она работала в деловом издании «Коммерсантъ-Технологии», где вела колонку о городской мобильности, беспилотной авиации и новых транспортных системах. За эти годы она написала сотни статей о развитии рынка аэротакси, о китайских EHang, об американских Joby Aviation, о первых сертификатах лётной годности для пассажирских дронов, которые в 2024-2025 годах наконец начали выдавать в Европе и Азии. Она знала имена всех ключевых игроков, следила за патентными войнами, бывала на презентациях в Дубае и Шанхае. Но сегодня она пришла сюда не за новостями.

Редакция поручила ей специальный проект к тридцатилетию «лихих девяностых»: серия материалов о первых попыт-

ках технологического предпринимательства в постсоветской России. «Покажи, как люди пытались строить будущее, когда вокруг рушилось всё», – сказал главный редактор, и Алиса согласилась. Она любила такие темы – в них была не только ностальгия, но и возможность понять, почему страна, породившая столько талантов, так часто теряла их.

Тема была ей близка. Её отец в девяностые работал инженером на заводе «Кристалл», пережил сокращение, потом пытался организовать собственное производство печатных плат, но в итоге разорился и ушёл в такси. Он редко говорил о тех годах, но иногда, после второй рюмки, доставал старые чертежи и говорил: «Мы могли бы, если бы время было другое». Алиса помнила эти слова. И когда она наткнулась в архивной описи на дело «Воздушного фонда», что-то щёлкнуло в ней – предчувствие, что эта история перекликается с отцовской.

Она прошла в читальный зал, села за стол у окна и открыла ноутбук. За две недели до этого она отправила запрос в архив Следственного комитета с просьбой предоставить материалы по делам, связанным с финансовыми пирамидами девяностых, где фигурировали технологические компании. Ответ пришёл вчера: список из шести дел, одно из которых привлекло её внимание.

Дело № 047-К, 1999-2000 годы. ООО «Воздушный фонд». Обвинение: мошенничество в особо крупных размерах (статья 159 УК РФ). Приговор: оправдательный, за от-

сутствием состава преступления.

Название показалось ей странным – «Воздушный фонд». Слишком пафосно даже для девяностых. А оправдательный приговор в делах о пирамидах был редкостью: обычно либо сажали, либо закрывали за истечением срока. Здесь же суд явно разобрался и не нашёл состава.

Алиса ввела номер дела в формуляр и стала ждать.

Архивариус принёс три папки, перевязанные бечёвкой. Они были потертыми, с жёлтыми ярлыками, на которых чернильным карандашом было выведено: «Дело № 047-К. Воздушный фонд. 3 тома». Алиса поблагодарила, взяла первую папку и открыла.

Внутри лежали протоколы допросов, выписки из банковских счетов, свидетельские показания, копии учредительных документов, фотографии. Всё это было аккуратно сшито, пронумеровано, но запах времени – затхлый, чуть сладковатый – выдавал, что к папкам не прикасались много лет. Алиса надела очки для чтения и начала с первого листа.

Постановление о возбуждении уголовного дела от 15 марта 1999 года. Основание: заявления граждан о невыплате вложенных средств; наличие признаков хищения путём обмана; деятельность, организованная по принципу финансовой пирамиды. Подписи следователя, фамилия неразборчива. Алиса пробежала глазами формальные строки и перелистнула дальше.

Протокол допроса обвиняемого. Фамилия, имя, отчество:

Сергей Алексеевич Орлов, 1970 года рождения, уроженец города Н-ска, образование высшее техническое, не судим. Она быстро нашла знакомые строки – показания, которые уже мелькали в предварительном изучении, но теперь она вчитывалась в каждое слово.

«Вопрос: Орлов, расскажите суду, когда и с какой целью вы создали ООО „Воздушный фонд“?»

Ответ: Я создал фонд в апреле 1993 года. Целью было привлечение средств для разработки персонального летательного аппарата вертикального взлёта и посадки – IPV-дрона. Я считаю, что это технология будущего, которая позволит решить проблему городской мобильности.

Вопрос: Вы признаёте, что привлекали деньги граждан, не имея лицензии на осуществление банковской деятельности или работы с ценными бумагами?»

Ответ: Я не занимался банковской деятельностью. Люди вносили средства как паевые взносы в инвестиционный фонд. Это было прописано в договоре. Они становились совладельцами проекта. Я не обещал им фиксированного дохода.

Вопрос: Но вы обещали им прибыль в случае успеха проекта. А проект, как выяснилось, не имел никаких шансов на успех.

Ответ: Я не согласен. Прототип был построен и прошёл испытания. Видеозаписи приобщены к делу. Мы успешно подняли аппарат в воздух. Если бы не дефолт 1998 года

и не арест имущества, мы бы довели проект до коммерческого образца.

Вопрос: Следователь считает, что вы заведомо знали о невозможности реализации проекта и использовали привлечённые средства на личные нужды.

Ответ: Это ложь. Я не купил на эти средства ни одной квартиры, ни одной машины. Все деньги ушли на аренду помещений, зарплату инженерам, закупку комплектующих. Я жил в общежитии до 1996 года, потом снимал комнату. У меня не было даже собственного компьютера. Все протоколы движения средств есть в материалах дела. Я предлагаю провести независимую финансовую экспертизу».

Алиса отложила протокол и некоторое время смотрела в окно. В словах Сергея не было той фальши, которая обычно чувствуется в показаниях мошенников. Ни попыток уйти от ответа, ни заученных фраз, ни пустых обещаний. Он говорил как инженер: конкретно, по делу, с цифрами. Она вспомнила свой опыт общения с основателями стартапов – настоящие энтузиасты отвечают именно так: у них горят глаза, даже когда они рассказывают о провалах.

Она открыла следующую страницу. Там были выписки из банковских счетов. Действительно, движение средств: аренда, оборудование, материалы, зарплата. Никаких переводов на личные счета, никаких крупных покупок. В девяностых, когда деньги из пирамид утекали рекой, это было исключением. Алиса достала телефон и сфотографировала несколь-

ко страниц – для дальнейшего изучения.

Второй том дела оказался самым объёмным. В нём были технические документы: чертежи, схемы, расчёты, фотографии, видеокассеты (отдельно описанные в описи), а также личные записи, которые следователь изъясил при обыске. Алиса развернула один из листов формата А3, сложенный в несколько раз. Это был чертёж летательного аппарата. Капсула с восемью роторами, расположенными по кругу. В центре – кабина пилота. Внизу – шасси. Все размеры проставлены, все узлы пронумерованы. Подпись в правом нижнем углу: «IPV-1. Генеральная компоновка. Орлов С.А., 12.08.1995».

Она смотрела на этот чертёж и не верила своим глазам. За годы работы она видела сотни аналогичных чертежей – в патентных базах, в презентациях современных компаний, в научных статьях. Формально IPV-1 Сергея ничем не отличался от того, что сегодня строят Joby Aviation и EHang. Та же схема, то же распределение тяги, та же компоновка.

Она достала смартфон, открыла фотографию современного дрона EHang EH216 – китайского аэротакси, получившего сертификат лётной годности в 2024 году. Поставила рядом с чертежом Сергея. Сходство было поразительным. Не копия, конечно, но архитектура – та же. Восемь роторов, центральная капсула, концепция вертикального взлёта и посадки.

Сергей нарисовал это в 1995 году. За двадцать лет до того,

как ЕНang показал свой первый прототип.

Алиса почувствовала, как по коже побежали мурашки. Она перелистнула дальше. Схемы системы управления, расчёты грузоподъёмности, таблицы характеристик двигателей. Всё это было сделано на обычной бумаге, от руки, карандашом и чернилами. Но уровень детализации был таков, что любой инженер, взглянув на эти чертежи, признал бы их профессиональными.

На полях одного из листов она нашла приписку: *«Масса аккумуляторной батареи – критический параметр. При существующей энергоёмкости литий-полимерных элементов максимальное время полёта – 15 минут. Необходимо либо ждать улучшения характеристик, либо искать альтернативные источники питания. Оптимизм: по данным зарубежных журналов, ёмкость батарей удваивается каждые 5-7 лет. К 2010 году можно ожидать коммерчески приемлемых показателей»*.

Сергей предсказал развитие технологий аккумуляторов с точностью до десятилетия. Алиса вспомнила графики, которые строила для своих статей: падение цен на литий-ионные батареи с 1995 по 2025 год было практически экспоненциальным. Этот человек, сидя в общежитии МАИ, рассчитал то, что потом подтвердила мировая индустрия.

Она перелистнула ещё несколько страниц и наткнулась на то, что в описи значилось как «личные записи Орлова С.А., изъятые при обыске 22.03.1999». Это была общая тетрадь в

клетку, пожелтевшая, с обтрепанными краями. Следовательно приобщил её к делу, но, судя по всему, не придавал значения – на полях не было пометок, в обвинительном заключении она не упоминалась.

Алиса осторожно раскрыла тетрадь.

Почерк Сергея был мелким, аккуратным, инженерным. Буквы выведены чётко, почти печатные. Записи перемежались с чертежами, формулами, эскизами. Первые страницы датированы 1993 годом.

«Ноябрь. Сделал первый обход потенциальных инвесторов. Три человека отказались. Один – мужчина лет пятидесяти – слушал внимательно, сказал: „Сынок, летающие машины – это для американцев. У нас сейчас люди бы хлеб купить“. Он прав. Но я не могу ждать, пока люди наедятся. Время идёт».

«Декабрь. Нашёл помещение под офис. Дорого, но нужно производить впечатление. Люди должны видеть, что мы серьёзны. Арендовал макет дрона у театральных художников – сделали отлично, похоже на настоящий. Поставим в холле. Пусть смотрят и верят».

«Февраль 1994. Первый вкладчик. Женищина, пенсионерка, принесла 500 тысяч рублей (неденоминированных). Я ей всё объяснил: риск, сроки, что это не вклад, а пай. Она сказала: „Я верю. Мой муж летчиком был. Он бы хотел, чтобы такие машины были“. Я взял деньги. На душе тяжело. Что, если не получится? Но я должен сделать всё, чтобы полу-

чилось».

Алиса читала, затаив дыхание. Это был не дневник аферириста. Это был дневник человека, который несёт ответственность за чужие надежды и боится их обмануть. Она вспомнила, как однажды брала интервью у основателя разорившегося стартапа – тот говорил почти теми же словами: «Я чувствовал себя предателем, когда не смог вернуть деньги».

Она перелистнула на середину тетради, где записи стали более частыми, почерк – более нервным.

«Март 1996. Деньги заканчиваются. Прототип почти готов, но нужно ещё на двигатели и контроллеры. Инвесторы большие не идут – слухи о пирамидах подорвали доверие. Эдуард (бывший начальник) предлагает „помочь“ – дать деньги под 50 % годовых. Я знаю, что это конец. Если возьму, отдам всё. Но если не возьму, прототип не взлетит. Взял».

«Июнь 1996. Первые испытания. Аппарат оторвался от земли на 0,5 метра. Держался 3 секунды. Все плакали. Я тоже. Мы это сделали. Теперь нужны деньги на доводку. Нужно срочно искать новых пайщиков. Может, выступить по телевидению?»

«Сентябрь 1997. По телевидению выступил. Пришло много людей. В основном пенсионеры. Они несут последнее. Я им говорю о риске. Они говорят: „Мы знаем. Но вы наш шанс“. Я не сплю ночами. Если прототип не полетит по-настоящему, я не смогу смотреть им в глаза».

«Август 1998. Дефолт. Рубль рухнул. Деньги, которые хранились в банке, обесценились. Прототип стоит в ангаре. Кредиторы требуют вернуть долги. Я не могу. Вчера пришла та самая пенсионерка, которая принесла первые 500 тысяч. Сказала: „Сергея, я знаю, что вы не виноваты. Бог даст, всё наладится“. Я отдал ей последние 200 долларов, которые у меня были. Она не взяла. Сказала: „Оставьте себе. Для дела“. Я плакал, когда она ушла».

Алиса закрыла тетрадь. В глазах защипало. Она много лет писала о технологиях, о венчурных инвестициях, о стартапах, которые взлетают или разоряются. Но она никогда не думала о том, что чувствует человек, когда его стартап умирает не потому, что технология не работает, а потому, что время, страна, экономика – всё оказалось против него. Она представила себе этого Сергея, молодого, измождённого, сидящего в пустом офисе с пустыми руками и опустошёнными глазами.

Она посмотрела в окно. Солнце уже клонилось к закату, тени от зданий вытянулись, заполняя улицу. В читальном зале было тихо, только шелестели страницы да поскрипывали кресла. Алиса взяла третий том.

В третьем томе были протоколы судебных заседаний, заключения экспертиз, свидетельские показания и, наконец, копия приговора. Она прочитала заключение технической экспертизы, проведённой в 1999 году. Эксперты ЦАГИ (Центрального аэрогидродинамического института) изучали

чертежи и прототип Сергея. Их вывод был сухим и бюрократическим:

«Представленный аппарат (прототип) не соответствует требованиям действующих норм лётной годности гражданских воздушных судов. Отсутствуют сертифицированные системы управления, аварийного спасения, навигации. Применённые материалы и комплектующие не имеют авиационных сертификатов. В представленном виде аппарат не может быть допущен к эксплуатации».

Но в конце был приписан абзац, который, видимо, и стал основанием для оправдательного приговора:

«Вместе с тем следует отметить, что технические решения, заложенные в конструкцию, являются инновационными и потенциально реализуемыми. Отсутствие сертификации на момент проверки обусловлено не недостатками конструкции, а отсутствием в Российской Федерации нормативной базы для подобного класса летательных аппаратов. Конструкторская документация выполнена на высоком профессиональном уровне».

Алиса усмехнулась. Эксперты ЦАГИ, по сути, подтвердили, что Сергей не был шарлатаном. Они просто констатировали, что в стране нет законов, по которым его дрон можно было бы признать летательным аппаратом. Он создавал будущее в стране, где будущее не было прописано в нормативных актах.

Она перешла к свидетельским показаниям. Их было мно-

го, больше полусотни. В основном – вкладчики «Воздушно-го фонда». Алиса выбрала несколько наугад.

Вот одна из записей:

«Свидетельница Иванова М.П., 1938 г.р., пенсионерка: В 1995 году я вложила в фонд 3 миллиона рублей (неденоминированных). Мне объяснили, что деньги пойдут на постройку летающей машины. Я сама захотела вложить, меня никто не уговаривал. Сергей Алексеевич мне всё честно рассказал, сказал, что может и не получиться. Но я решила. Я видела чертежи, видела макет. Я верила. Когда начались проблемы, Сергей Алексеевич лично приезжал ко мне, привозил продукты, извинялся. Я ему сказала: „Не извиняйтесь. Вы делали доброе дело“. Я не считаю его преступником. Если бы он хотел украсть, он бы не тратил деньги на инженеров, а купил бы себе машину и квартиру. А он жил в какой-то комнате, ходил в одной куртке. Я прошу суд его не наказывать».

Алиса перечитала эти строки дважды. Она пыталась представить: пенсионерка, вложившая последние сбережения в стартап по производству дронов, приходит в суд и защищает основателя. Это было невозможно в логике классической пирамиды. Там потерпевшие требуют крови. Здесь – просят пощадить.

Другая запись:

«Свидетель Петров И.И., 1955 г.р., предприниматель: Я вложил в фонд десять тысяч долларов. Потерял всё после

дефолта. Но я не считаю Орлова мошенником. Он предлагал не вклад, а инвестицию. Я знал риск. Я видел прототип, он летал. Если бы не кризис, проект бы состоялся. Я не поддерживаю обвинение».

Третья:

«Свидетель Сидорова А.В., 1942 г.р., пенсионерка: Я вложила пятьсот долларов. Мне сейчас стыдно, что я подала заявление. Я погорячилась. Сергей Алексеевич мне потом звонил, извинялся, предлагал вернуть, но у него не было денег. Я ему сказала: „Бог с ними, с деньгами. Вы главное не бросайте своё дело“. А он всё равно бросил. Жалко».

Алиса пролиставала ещё несколько показаний. Все они были примерно одинаковыми: люди знали о риске, вкладывали добровольно, не считают Сергея мошенником. В деле не было ни одного свидетеля, который утверждал бы, что Орлов обещал гарантированный доход или скрывал риски.

В конце третьего тома она нашла приговор.

«Приговором Хамовнического межмуниципального суда г. Москвы от 12 декабря 2000 года Орлов Сергей Алексеевич признан невиновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159 УК РФ (мошенничество в особо крупных размерах), и оправдан за отсутствием в его действиях состава преступления. Мера пресечения в виде подписки о невыезде отменена. Вещественные доказательства: прототип летательного аппарата, чертежи, техническая документация – подлежат конфискации в порядке,

установленном УПК РСФСР. Гражданские иски потерпевших оставлены без рассмотрения в связи с отсутствием состава преступления, потерпевшим разъяснено право на обращение в суд в порядке гражданского судопроизводства».

Конфискация прототипа. Сергей вышел на свободу, но без дрона, без чертежей, без команды. Аппарат, который он строил пять лет, на который ушли деньги сотен людей, перешёл в собственность государства. Алиса представила себе, что чувствовал Сергей, когда выходил из зала суда. Оправданный, но обобранный. Свободный, но потерявший всё, что создавал.

Она закрыла третий том и долго сидела неподвижно, глядя в окно. За стеклом уже стемнело, в читальном зале зажглись лампы. Её ноутбук перешёл в спящий режим, и экран погас.

В голове крутилась одна мысль: этот человек не был аферистом. Он был инженером, который попытался построить будущее на тридцать лет раньше, чем оно было готово его принять. И за это он заплатил всем, что у него было.

Алиса собрала папки, отнесла их архивариусу и вышла на улицу. Ночной воздух был прохладным, на Большой Пироговской горели фонари, вдалеке слышался шум Садового кольца. Она достала телефон, открыла заметки и начала быстро набирать текст.

«Сергей Орлов, 1970 г.р., основатель „Воздушного фонда“. Последнее известное место жительства – Москва. Суд

2000 года. Сейчас ему 56 лет. Найти. Найти инженеров, вкладчиков, родственников. Найти прототип – куда он делся после конфискации? Найти ответ на вопрос: был ли он гением или жертвой обстоятельств?»

Она остановилась и посмотрела на небо. Над Москвой висела луна, бледная, окружённая облаками. Где-то там, в этой пелене, могли бы летать дроны Сергея, если бы история повернулась иначе. Алиса убрала телефон и пошла к метро. Редакционное задание превращалось во что-то большее. Она чувствовала, что эта история достойна не короткой статьи к юбилейной дате, а настоящего расследования. Книги.

На станции «Парк культуры» она села в вагон, прислонилась к двери и снова открыла заметки. Пока в голове были свежи впечатления, она набросала план действий:

Пробить Сергея по базам данных, найти его нынешнее место жительства.

Связаться с Дмитрием Соколовым (однокурсник из МАИ) – он фигурирует в дневниках.

Найти Бориса Гольдмана, главного инженера – если жив.

Попытаться выяснить судьбу чертежей и прототипа.

Найти сына Сергея (если он есть).

Встретиться с самим Сергеем.

Она понимала, что это может занять месяцы, но чувствовала, что обязана это сделать. Не только ради материала, но и ради справедливости.

На следующий день Алиса пришла в редакцию раньше

обычного. Она взяла у шеф-редактора разрешение на расширение темы: вместо одной статьи – цикл материалов, возможно, даже книга.

– Ты уверена? – спросил шеф, пожилой мужчина с седыми висками, который сам начинал журналистом в девяностых. – Таких историй были сотни. Пирамиды, горе-изобретатели. Может, он просто ловко заметал следы?

– Прочитайте, – Алиса протянула ему распечатанные выдержки из дневника Сергея и копии экспертизы ЦАГИ.

Шеф пробежал глазами, нахмурился, потом перечитал внимательнее. Особенно долго он изучал заключение экспертов.

– ЦАГИ говорит, что конструкция работоспособна. Это весомо. – Он отложил бумаги. – Ладно, работай. Но если окажется, что он всё-таки жулик, не делай из него героя.

– Я сделаю из него то, что он есть, – ответила Алиса. – А это мы и выясним.

Она села за свой стол, открыла ноутбук и начала первое, что нужно сделать в любом расследовании: искать людей.

В базе данных СПАРК она нашла ООО «Воздушный фонд» – компания была ликвидирована в 2001 году. В ЕГРЮЛ – запись о прекращении деятельности. Учредитель – Орлов Сергей Алексеевич, ИНН такой-то. Она пробила ИНН по базам налоговой – с 2001 года Сергей не регистрировал никаких новых компаний. ИП тоже не открывал.

Значит, после суда он ушёл из предпринимательства. Или

не смог, или не захотел.

Алиса переключилась на социальные сети. В «Одноклассниках» и «ВКонтакте» было несколько десятков Сергеев Орловых, но ни один не подходил по возрасту и биографии. Она попробовала поискать по фамилии в открытых базах судебных решений – ничего. По базам недвижимости – тоже.

Сергей словно растворился.

Алиса задумалась. Ей нужны были зацепки. В дневнике упоминались имена: главный инженер Борис Соломонович (фамилия не указана), Дима из МАИ, Эдуард из «Инвест-Про». Она решила начать с Димы – это была самая реальная ниточка.

Она открыла базу выпускников МАИ. В 1993 году, когда Сергей приехал в Москву, на аэрокосмическом факультете учился Дмитрий Валерьевич Соколов. Алиса нашла его через социальную сеть – он жил в Москве, работал в авиастроительной компании. Она отправила ему сообщение: «Здравствуйте, я журналист, занимаюсь историей Сергея Орлова и его проекта „Воздушный фонд“. Вы не могли бы помочь?»

Ответ пришёл через два часа.

«Сергей Орлов? Это тот, который с дронами? Я помню его. Мы вместе жили в общежитии. Он был гений. Я могу рассказать. Позвоните».

Алиса набрала номер. Трубку снял мужской голос, спокойный, чуть хриловатый.

– Дмитрий Валерьевич, спасибо, что откликнулись.

– Да пожалуйста. Вы знаете, я редко вспоминаю те годы, но Сергея – помню. Он был необычным. Мы все тогда думали, как выжить, а он думал, как изменить мир. И он был близок к этому.

– Вы знаете, где он сейчас?

– Нет. После суда мы потеряли связь. Он уехал куда-то, я слышал, в деревню. Но у меня есть кое-что. Его чертежи. Не все, несколько листов. Он мне их оставил на хранение перед судом, сказал: «Если что, передашь моему сыну». Я храню до сих пор.

– У него есть сын?

– Был. Тогда ему года три было. Мать, жена Сергея, она ушла от него ещё до суда, не выдержала. Сын, кажется, с ней остался. Я не знаю, где они сейчас. Но чертежи я вам покажу. Может, они помогут.

Алиса записала адрес и договорилась о встрече на завтра. Она положила трубку и почувствовала, как в груди разгорается азарт. Это было похоже на то, что она испытывала, когда бралась за сложную тему: ниточка ведёт к клубку, клубок – к истории, а история – к человеку, которого она должна найти.

Она посмотрела на стопку распечаток из архива, на чертёж IPV-дрона, который лежал сверху, и снова прочитала фразу из дневника Сергея, выписанную ею в блокнот:

«Разница между безумцем и пророком – всего лишь двадцать лет и несколько миллиардов долларов».

«Ну что ж, Сергей Алексеевич, – подумала Алиса, – про-

шло двадцать шесть лет. И миллиарды долларов уже вложены в то, что вы придумали. Пора нам встретиться».

Встреча с Дмитрием Соколовым состоялась на следующий день в кафе недалеко от его работы. Он оказался мужчиной лет пятидесяти пяти, плотным, с аккуратной бородой, в очках. В руках он держал папку с несколькими пожелтевшими листами.

– Вот, – сказал он, выкладывая чертежи на стол. – Сергей отдал мне их перед судом. Сказал: «Если у меня ничего не выгорит, передашь Саше». Но я так и не нашёл Сашу. А чертежи лежали.

Алиса развернула листы. Это были схемы системы управления – те же, что она видела в архивном деле, но в более полном виде, с дополнительными расчётами.

– Вы не пытались сами использовать эти чертежи? – спросила она.

– Нет. Я не инженер-схемотехник, я аэродинамик. И потом... – Дмитрий помолчал. – Это не моё. Это Сергея. Я просто хранил.

– Расскажите о нём. Каким он был?

Дмитрий откинулся на спинку стула, задумался.

– Он был... одержимым. В хорошем смысле. Мы все в девяностые метались, искали, где заработать, а он приехал из Н-ска с дипломом и чертежами. Первую ночь в общежитии не спал – рисовал. Я проснулся, смотрю – на столе целая стопка листов. Я тогда подумал: сумасшедший. А потом посмотрел

и понял: это гениально. Он рассчитал компоновку так, что она до сих пор не устарела.

– Вы верили в его успех?

– Верил. Мы все верили. Борис Соломонович – это его главный инженер – говорил: «Этот парень сделает больше, чем все наши институты». И он сделал. Дрон летал. Я сам видел.

– Почему же всё рухнуло?

– Дефолт. И бандиты. И система. – Дмитрий вздохнул. – Знаете, когда я читаю сейчас новости про аэротакси, я думаю: ведь это могло быть наше. Российское. А стало китайским, американским. Сергей просто родился не в то время. И не в той стране.

Алиса спросила разрешения сфотографировать чертежи. Дмитрий кивнул.

– Скажите, – спросила она, – у вас есть какие-то контакты Бориса Соломоновича? Или других сотрудников?

– Борис Соломонович живёт в Жуковском. Я могу дать вам его телефон. Он многое помнит.

Дмитрий написал номер на салфетке. Алиса поблагодарила и спросила напоследок:

– Если вы встретите Сергея, что бы вы ему сказали?

Дмитрий помолчал.

– Сказал бы, что он был прав. Что мы не зря тогда паяли эти платы. Что его дрон летает, пусть и без него. И что я горжусь тем, что знал его.

Они попрощались. Алиса вышла из кафе, держа в руках салфетку с телефоном и папку с чертежами. В небе над Москвой пролетал рейсовый самолёт, оставляя белый след. Она подумала о том, что когда-нибудь такие же следы будут оставлять дроны, и, возможно, один из них будет носить имя Сергея.

Вернувшись в редакцию, Алиса позвонила Борису Соломоновичу. Трубку взял пожилой, усталый голос.

– Слушаю.

– Борис Соломонович? Меня зовут Алиса, я журналист. Мне дал ваш контакт Дмитрий Соколов. Я пишу об истории Сергея Орлова и «Воздушного фонда».

Долгая пауза. Алиса уже подумала, что разговор не состоится, но старый инженер заговорил:

– Сергей Орлов... Вы знаете, я ждал этого звонка двадцать шесть лет. Никто не интересовался. Все забыли. А теперь вдруг...

– Я хочу восстановить правду. Мне нужно с вами встретиться.

– Приезжайте. Я в Жуковском. Всё расскажу. Только... вы не из тех, кто ищет сенсации?

– Нет. Я ищу правду.

– Хорошо. Приезжайте. У меня есть что показать.

Алиса записала адрес и положила трубку. Она чувствовала, что расследование только начинается. Впереди были Жуковский, Н-ск, поиски сына и, возможно, встреча с самим

Сергеем. Она открыла ноутбук, создала новый файл и написала в заголовке: «Человек, который продал воздух».

Это было начало.

Глава 3. Физика полета

Москва, 1994-1995 годы

Офис «Воздушного фонда» открылся в мае 1994 года. Сергей нашёл помещение на Садовом кольце, в старом особняке, который до революции принадлежал купеческой семье, а в советское время был занят райкомом партии. Теперь здесь сдавались комнаты под офисы, и хозяин, грузный мужчина в дорогом пиджаке, запросил две тысячи долларов в месяц – сумма, которая показалась Сергею космической. Он торговался долго, ссылаясь на то, что помещение требует ремонта, что окна выходят на шумную улицу, что в подвале сырость. Хозяин слушал с ленивым любопытством, покусывая сигару.

– Могу дать за полторы, – сказал он наконец, окинув взглядом куртку Сергея и его потертые ботинки. – Но учти, парень, если удержишь хоть на день – вылетишь. И задаток не верну.

Сергей согласился. Он понимал, что офис – это лицо фонда. Если он хочет убедить людей отдать ему деньги, он должен выглядеть убедительно. Не как очередной жулик из подворотни, а как серьёзный предприниматель, который строит будущее. В девяностые внешний вид был важен не меньше,

чем содержание; люди привыкли, что настоящие деньги ходят в кожаных куртках и золотых цепях, а Сергей собирался предложить им нечто иное – образ инженера-мечтателя, которому можно доверять.

Деньги на первый месяц аренды он взял в долг у Димы – тот накопил, подрабатывая в ночном клубе вышибалой. Дима дал без вопросов, сказал только: «Если прогоришь, я тебя убью. Но сначала помогу». Сергей помнил эти слова и понимал, что Дима не шутит – не про убийство, а про цену доверия. Они дружили с олимпиады по физике, и Дима знал, что Сергей не из тех, кто бросает слова на ветер.

Сергей сам красил стены, сам вешал светильники, сам тащил из магазина мебель – три стола, пять стульев, стеллаж для документов. Краска была дешёвой, пахла растворителем, и первые дни в офисе кружилась голова. На двери он заказал табличку из латуни: «Воздушный фонд. Инвестиции в технологии будущего». Табличка стоила сто долларов – безумные деньги, но она придавала солидности. Когда он впервые повесил её, то отступил на##, посмотрел и почувствовал, как внутри поднимается волна гордости. Теперь это был не просто энтузиазм, а бизнес.

Главным украшением офиса стал макет IPV-дрона. Сергей нашёл художников из театрального училища, которые согласились сделать полноразмерный макет за пятьсот долларов. Они работали две недели, используя пенопласт, пластик, алюминиевые трубки и краску «под металл». Сергей

приходил к ним каждый день, следил за процессом, иногда сам подносил детали, помогал шлифовать. Художники, молодые ребята в перепачканных краской халатах, сначала посмеивались над ним, а потом прониклись.

– Ты реально веришь, что эта штука полетит? – спросил главный, высокий парень с серьгой в ухе.

– Не веришь – проверь, – ответил Сергей. – Когда будет готово, приезжайте на испытания.

Когда макет установили в холле, он выглядел так, будто только что прилетел из будущего – восьмироторная капсула с прозрачным колпаком, подсвеченная неоновыми лампами, которые Сергей купил на радиорынке. Подсветка была его идеей: он хотел, чтобы люди, входящие в офис, сразу понимали – здесь не просто очередная контора, здесь портал в иной мир. Дима, увидев макет, присвистнул:

– Теперь похоже на NASA.

– На наше NASA, – поправил Сергей. – Только у них бюджет миллиарды, а у нас – долги.

Следующим шагом была команда. Сергей понимал, что один он не справится. Ему нужны были инженеры – люди, которые умеют считать, проектировать, паять, программировать. В девяносто четвёртом таких людей в Москве было много: оборонные НИИ и КБ сокращали штаты, и сотни талантливых специалистов оставались без работы. Сергей объездил несколько институтов, разговаривал с людьми, предлагал работу. Большинство смотрели на него с недоверием

– молодой парень в потёртой куртке обещает летающие машины. Но были и те, кто слушал.

В МАИ ему посоветовали обратиться в ЦАГИ – Центральный аэрогидродинамический институт, который находился в Жуковском. Там он нашёл человека, который стал его главным инженером и правой рукой.

Борис Соломонович Гольдман был худым, невысоким мужчиной лет пятидесяти, с седой бородкой и вечно уставшими глазами. Он проработал в ЦАГИ двадцать пять лет, занимался аэродинамикой сверхзвуковых самолётов, а в начале девяностых оказался не у дел – заказы кончились, зарплату не платили, институт еле дышал. Когда Сергей пришёл к нему домой в Жуковском и показал чертежи IPV-дрона, Борис Соломонович долго молчал, разглядывая схемы через очки. Квартира его была заставлена книжными шкафами, на стенах висели схемы и формулы, в углу стоял старый компьютер «Искра».

– Это ты нарисовал? – спросил он наконец.

– Да.

– Где учился?

– Политех в Н-ске. Радиотехника.

– А аэродинамику где брал?

– В книгах. И у вас хотел бы учиться.

Борис Соломонович усмехнулся, но глаза его загорелись. Он отложил чертежи, снял очки, протер их.

– Знаешь, в чём проблема твоей схемы? – спросил он,

ткнув пальцем в чертёж.

– В распределении тяги, – ответил Сергей не задумываясь.
– Восемь роторов дают избыточную стабильность, но проигрывают в эффективности шестироторной схеме. Я выбрал восемь, потому что это безопаснее: отказ одного ротора не приведёт к катастрофе.

Борис Соломонович посмотрел на него с уважением.

– Ты это серьёзно просчитал?

– Прикидочно. Нужны точные расчёты.

– Нужны, – согласился инженер. Он встал, прошёлся по комнате, остановился у окна. – Слушай, Сергей. Я старый человек. У меня за плечами – двадцать пять лет в ЦАГИ, три докторских, куча нереализованных проектов. Я видел, как наше КБ делало самолёты, которые могли летать, но не летали, потому что не было денег, потому что страна развалилась. – Он помолчал. – Твоя идея – она безумная. Но она правильная. Я помогу тебе. Только без дураков. Никакой липы. Если строим – строим по-настоящему.

– По-настоящему, – сказал Сергей.

Они пожали руки. Борис Соломонович тут же начал вносить правки в чертежи – карандашом, прямо на листах. Сергей смотрел, как уверенно движется его рука, и чувствовал, что сделал правильный выбор.

Команда собиралась по крупицам. Борис Соломонович привёл двоих своих коллег из ЦАГИ – аэродинамика Виктора Ильича и конструктора Михаила Петровича. Оба были за

пятьдесят, оба потеряли работу и жили на пенсию, которую государство платило с задержками. Виктор Ильич, высокий, сутулый, с вечно дымящейся папиросой, специализировался на лопастях; Михаил Петрович, коренастый, с руками-клещами, занимался силовыми конструкциями. Они пришли в цех, огляделись, переглянулись.

– И это всё? – спросил Михаил Петрович, показывая на пустой ангар.

– Всё, – ответил Сергей. – Но через год здесь будет стоять летающий аппарат.

– Оптимист, – буркнул Виктор Ильич, но остался.

Сергей предложил им зарплату в триста долларов в месяц – для того времени это были огромные деньги. Инженеры согласились, хотя в душе не верили, что проект дотянет хотя бы до конца года. Триста долларов – это был годовой оклад в институте. Они приходили в цех, надевали старые халаты, и работа начиналась.

Дима привёл программиста – студента МАИ по имени Антон, который увлекался микроконтроллерами и писал программы для управления моделями вертолётов. Антону было двадцать, он носил длинные волосы, слушал «Nirvana» и говорил на языке, который старшие инженеры понимали с трудом. В цех он явился в драных джинсах и футболке с черепом, с рюкзаком, набитым платами и проводами.

– Мне нужен контроллер, – объяснял Антон Борису Соломоновичу, разложив на столе свои платы. – Процессор, ги-

роскоп, акселерометр, GPS. Я собираю это на плате, пишу код, и дрон сам стабилизируется. Без пилота. Понимаете?

– Понимаю, – кивал Борис Соломонович. – Только ты учти, что у нас не игрушка. Масса – под двести килограммов. Если твой контроллер ошибётся, эта штука упадёт и убьёт кого-нибудь.

– Не ошибётся, – уверенно сказал Антон. – Я сделаю тройное резервирование. Как в ракетах.

– В ракетах, парень, миллионные бюджеты. А у нас – копейки.

– Значит, будем умными, а не богатыми.

Антон поселился в цехе практически. Он спал на раскладушке в углу, питался дошираком, который варил в кипятнике, и писал код сутками напролёт. Сергей иногда находил его утром спящим лицом в клавиатуру, с недописанной строкой на экране. Будить не решался – знал, что в такие моменты Антон видит во сне решения, которые днём не приходили.

Для работ Сергей арендовал помещение бывшего заводского цеха в Подмоскovie, недалеко от платформы «Сходня». Цех принадлежал когда-то заводу металлоконструкций, но теперь там пустовали огромные ангары с разбитыми окнами и заржавевшими кранами. Хозяин, какой-то кооператив, сдавал помещение за пятьсот долларов в месяц – дёшево, потому что никто не хотел связываться с развалинами. Вокруг были пустыри, заросшие бурьяном, редкие гаражи,

старая железнодорожная ветка. Место казалось концом света, но Сергею это нравилось – никто не мешал, никто не задавал лишних вопросов.

Сергей вложил последние деньги в то, чтобы провести в цех электричество, поставить обогреватели и сделать хотя бы минимальный ремонт. Обогреватели были самодельными – спирали, вставленные в трубы, – они жужжали и пахли горелой пылью. Рабочие места инженеров представляли собой старые столы, принесённые из дома, и стулья, которые они сами чинили. Но главное – в цехе было пространство. Высокие потолки позволяли собирать прототип в натуральную величину, не боясь задеть балки.

– Как в ангаре для дирижаблей, – пошутил как-то Михаил Петрович.

– Дирижабли – прошлый век, – ответил Сергей. – А мы строим будущее.

Первым делом они занялись расчётами. Борис Соломонович взял на себя аэродинамику: ему нужно было определить оптимальную форму капсулы, расположение роторов, угол атаки лопастей. Он работал по ночам, заполняя расчётами тетради, потому что компьютер в цехе был один, старенький «286», и его постоянно занимал Антон. В институте у Бориса Соломоновича были суперкомпьютеры, здесь же он пользовался логарифмической линейкой и таблицами Брадиса.

– В ЦАГИ у нас были ЭВМ, – вздыхал Борис Соломонович, показывая Сергею свои расчёты. – А теперь я считаю на

бумажке, как студент. Но, знаешь, иногда это даже лучше. Чувствуешь физику.

Виктор Ильич занимался лопастями. Он спроектировал винты, которые должны были обеспечивать максимальную тягу при минимальном шуме. Это было сложной задачей. в девяносто четвёртом не было ни программ для 3D-моделирования, ни доступных композитных материалов. Виктор Ильич использовал алюминий и дерево, вытачивая лопасти вручную на станке, который еле работал. Станок гудел, вибрировал, иногда останавливался посреди процесса, и тогда Виктор Ильич вынимал заготовку, осматривал, ругался и начинал заново.

– В серийном производстве мы бы сделали их из углепластика, – говорил он, вытирая стружку. – Но для прототипа сойдёт. Главное – чтобы баланс был идеальным. Иначе вибрация разнесёт всю конструкцию.

Михаил Петрович, конструктор, отвечал за каркас. Он сварил из алюминиевых труб пространственную ферму, на которой крепились роторы, аккумуляторы и кабина. Кабина была сделана из оргстекла и стальных прутьев – не герметичная, без климат-контроля, но для испытаний на высоте до десяти метров это не имело значения. Михаил Петрович работал сваркой, и цех наполнялся запахом озона и металла.

– Выглядит как клетка для птицы, – сказал Дима, когда впервые увидел каркас.

– Птица в клетке не летает, – ответил Михаил Петрович.

– А эта полетит.

Самой дорогой частью проекта были двигатели. Сергей объездил все радиорынки Москвы – Митино, Савёловский, «Горбушку». Торговал часами, торговался с продавцами, показывал чертежи, объяснял, для чего ему нужны мощные электромоторы. Большинство продавцов крутили пальцем у виска, но один – пожилой мужчина в засаленном пиджаке – оказался бывшим инженером.

– Ты, парень, серьёзное дело затеял, – сказал он, выслушав Сергея. – У меня есть восемь моторов от немецких промышленных насосов. Мощные, надёжные. Но тяжёлые.

– Сколько?

– Триста долларов за штуку. Восемь – две четыреста.

Сергей торговался два дня. Он приходил к продавцу утром, уходил вечером, снижал цену по сто долларов за визит. На третий день продавец сдался.

– Ладно, две тысячи. Забирай. Но учти, парень: если у тебя ничего не выйдет, я тебя не знаю.

Сергей загрузил моторы в багажник попутной машины. Они были тяжёлыми, каждый по пятнадцать килограммов. Водитель, молодой парень с «Волгой», помогал грузить, усмехался:

– Мужик, ты что, самолёт строишь?

– Не самолёт, – ответил Сергей. – Нечто большее.

В цехе моторы разложили на верстаке, и команда собралась вокруг них, как вокруг алтаря. Борис Соломонович про-

верил характеристики, покачал головой.

— Тяга достаточная, но масса... на пределе. Если добавим аккумуляторы, будет тяжеловато. Придётся облегчать ферму.

— Облегчим, — сказал Михаил Петрович. — Сделаем отверстия в трубах, уберём лишнее.

— И контроллер нужно под них настраивать, — добавил Антон. — Они инерционные, будут долго разгоняться. Придётся писать специальный алгоритм.

Сергей слушал их и чувствовал, как растёт напряжение. Каждая деталь была компромиссом, каждое решение — риском. Но он знал, что другого пути нет. Они строили аппарат из того, что было, а не из того, что хотели бы иметь.

К осени 1994 года у Сергея не осталось ни копейки. Деньги, которые он взял в долг у Димы и у Эдуарда, закончились. Аренда офиса и цеха съедала по две с половиной тысячи в месяц, зарплата инженерам — ещё полторы. Двигатели, материалы, электроника — всё вместе вылилось в сумму, которую он даже боялся подсчитывать. Он сидел над бухгалтерской тетрадью, складывал цифры, и каждый раз получалось одно и то же: минус.

Нужны были новые вкладчики.

Сергей начал с того, что напечатал проспекты — глянцевые буклеты с фотографией макета дрона и описанием проекта. Буклеты стоили дорого, но он решил не экономить. В типографии ему сделали скидку, когда он объяснил, для че-

го это нужно. Девушка-менеджер, слушая его рассказ, вдруг сказала:

– А вы знаете, мой папа – водитель такси. Он бы точно оценил, если бы можно было летать над пробками.

– Передайте ему, что через пять лет такси будут летать, – улыбнулся Сергей. – Если, конечно, мы найдём инвесторов.

Девушка скинула двадцать процентов. Сергей забрал тираж – пятьсот экземпляров – и начал обход.

Он ходил по офисам, банкам, коммерческим структурам. Его пускали не везде, но он был настойчив. Он представлялся директором «Воздушного фонда», раскладывал на столах проспекты, показывал чертежи. Реакция была разной. Кто-то смеялся в лицо, кто-то вежливо выпроваживал, кто-то обещал подумать и исчезал. Один банкир, выслушав его, сказал: «Молодой человек, вы бы лучше занялись челночным бизнесом. Там сейчас реальные деньги». Другой, владелец сети магазинов, спросил: «А где гарантии? Где лицензии? Где сертификаты?» Сергей объяснял, что гарантия – это его команда и прототип, что лицензий для таких аппаратов в стране нет, а сертификаты появятся, когда появится сам аппарат.

Большинство качали головами и прощались. Но были и те, кто слушал.

Первым серьёзным вкладчиком стал владелец сети магазинов бытовой техники по имени Игорь. Ему было под сорок, он начинал с челночного бизнеса, а теперь имел

несколько точек на рынках и магазин на Арбате. Сергей пришёл к нему в офис, разложил чертежи, показал фотографии макета. Игорь крутил в руках буклет, курил, иногда задавал вопросы.

– Ты серьёзно веришь, что эти штуки будут летать? – спросил он.

– Уже летают. У нас есть прототип, через месяц начнём испытания.

– И сколько тебе нужно?

– Двадцать тысяч долларов. На доводку системы управления и закупку аккумуляторов.

Игорь помолчал. Потом открыл сейф, достал пачку денег и отсчитал десять тысяч.

– Это аванс. Через месяц я хочу увидеть, как твоя игрушка взлетает. Если взлетит – дам ещё десять. Если нет – извини, но я свои деньги люблю больше, чем чужие фантазии.

Сергей взял деньги. Руки дрожали, но он сдержался.

– Спасибо, Игорь. Вы не пожалеете.

– Надеюсь. – Игорь протянул ему руку. – Только смотри, парень. Если ты жулик – я тебя найду. У меня люди есть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.